

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
17 April 2002
Russian
Original: English/French/Spanish

Комиссия международного права

Пятьдесят седьмая сессия

Женева, 29 апреля — 7 июня
и 22 июля — 16 августа 2002 года

Пятый доклад об односторонних актах государств,* подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригесом Седеньо

Добавление

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
II. Обзорное рассмотрение некоторых основополагающих вопросов (продолжение)		
В. Условия действительности одностороннего акта и причины недействительности	82–119	2
С. Толкование односторонних актов.	120–135	12
D. Классификация односторонних актов и структура проекта статьи	136–147	16

* Задержка с представлением настоящего документа вызвана сложностью рассматриваемых в докладе вопросов.

II. Обзорное рассмотрение некоторых основополагающих вопросов (продолжение)

В. Условия действительности одностороннего акта и причины недействительности

82. Второй вопрос, который рассматривается в этой части, касается условий действительности одностороннего акта и причин недействительности, которые отчасти были рассмотрены Комиссией на ее пятьдесят второй сессии в 2000 году на основе третьего доклада, представленного Специальным докладчиком⁶⁴.

83. Комиссия в этом году в рамках Рабочей группы рассмотрит проект статьи, представленный Специальным докладчиком по вопросу о недействительности одностороннего акта, для чего будет необходимо учитывать обсуждения, состоявшиеся в Комиссии, и мнения представителей в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, выраженные в 2000 и 2001 годах, а также уточнения и дополнения, которые делаются в настоящем докладе. Прежде чем вновь перейти к этой теме, чтобы попытаться уточнить положение дел с ходом обсуждения, мы рассмотрим различные вопросы: условия действительности одностороннего акта и режим недействительности в целом, связанный с односторонними актами, вопросы, которые, безусловно, как указывалось, тесно взаимосвязаны. В то же время излагаются предварительные замечания по двум вопросам, связанным с недействительностью: утрата права на ссылку на причину недействительности или основания для прекращения одностороннего акта или приостановления его применения и связь между внутригосударственным правом и правомочием формулировать акт. В предварительном порядке рассматриваются также другие вопросы, связанные с неприменением акта: прекращение и приостановление.

84. Односторонний акт является действительным и потому может порождать правовые последствия при наличии определенных условий, аналогично тому, как ставится вопрос в венском режиме в связи с договорами. В этом контексте следует отметить статьи 42–53 и 69–71 Венской конвенции 1969 года.

85. Если в определенной мере следовать венскому режиму и опираться на него, то представляющие для нас интерес условия действительности одностороннего акта были бы: формулирование акта государством, представителем, уполномоченным или наделенным правом действовать и давать обязательства от его имени на международном уровне; законность цели, которая не должна противоречить императивной норме международного права; и беспорочное волеизъявление. Разумеется, следует рассмотреть и некоторые другие соответствующие вопросы одновременно с рассмотрением действительности и причин недействительности: связь между односторонним актом и ранее взятыми государством-автором обязательствами.

86. Условия действительности акта не обязательно должны быть изложены в конкретном положении проекта статей для регулирования действия односторонних актов, подобно тому, как не было необходимости в этом в Венских конвенциях. Когда Комиссия выработала проект статей о праве договоров, она об-

⁶⁴ A/CN.4/505.

судила проект (статья 30), в котором устанавливалась общая норма действительности договоров и который впоследствии не был принят⁶⁵. В итоге было сочтено, что в подобной норме нет потребности и что ввиду этого следует исключить проект статьи, представленный Специальным докладчиком.

87. В любом случае следует подчеркнуть, что включение проектов статей, касающихся условий недействительности одностороннего акта, не может означать ослабления принципа, подходящего в этом контексте, для установления обязательности этих актов (*pacta sunt servanda*) и стабильности и взаимного доверия, которые должны преобладать в международно-правовых отношениях, как не ослабляют принцип *pacta sunt servanda* и положения, включенные в Конвенцию 1969 года.

88. Лишь государство, по крайней мере применительно к контексту, в котором рассматривается эта тема Комиссией, может формулировать односторонние акты. Государство обладает правоспособностью формулировать односторонние акты подобно тому, как оно обладает такой правоспособностью для заключения договоров, о чем ясно говорится в Венской конвенции 1969 года. Как отражено в проекте статьи 2, представленном в третьем докладе Специального докладчика, который был направлен в Редакционный комитет, в отношении такой правоспособности нет никаких сомнений. Представляется очевидным, что этот проект статьи ограничивается государством, что не исключает, что такие акты могут формулироваться и другими субъектами международного права. Ограничение объясняется тем мандатом, который был дан Комиссии для рассмотрения темы, и целью, которая определена в соответствии с этим мандатом.

89. С другой стороны, лишь уполномоченные лица могут действовать от имени государства и брать от его имени обязательства в его международных отношениях, что рассматривается в проекте статьи 3, уже обсужденном Комиссией и также представленном в Редакционный комитет. Не возникает никаких сомнений в отношении полномочности главы государства⁶⁶, главы правительства или министра иностранных дел⁶⁷, как это предусматривается в статье 7 Венской конвенции 1969 года, на положениях которой строится проект, представленный в связи с односторонними актами. Как указывалось во втором докладе,

⁶⁵ Специальный докладчик представил проект статьи 30, «чтобы подчеркнуть, что любой договор, подписанный и вступивший в силу в соответствии со статьями проекта, регулирующими подписание и вступление в силу договоров, должен рассматриваться как остающийся в силе и применяется, если не будет продемонстрировано иного как следствие применения статей, в которых идет речь о недействительности, прекращении и приостановлении применения договоров». *Anuario... 1965*, vol. II, págs. 68 y 69, документ A/CN.4/477 и Add.1 и 2.

⁶⁶ Международный Суд, рассматривая “Caso de la Aplicación de la Convención para la Prevención y Sanción del Delito de Genocidio (Excepciones Preliminares)”, утверждал, что: «полномочность главы государства действовать от имени государства в его международных отношениях пользуется всеобщим признанием». *C.I.J Recueil 1993*, párr. 13, pág. 12.

⁶⁷ Постоянная Палата Международного Правосудия по делу “*Groenlandia Oriental*” указала, что «Суд считает совершенно бесспорным, что ответ подобного характера, данный министром иностранных дел от имени правительства..., имеет обязательную силу для той страны, к которой принадлежит этот министр», *PCIJ 1933, serie A/B*, No. 53, pág. 71. Решение Международного Суда по делу о ядерных взрывах также отражает полномочность министра иностранных дел действовать от имени государства и обязывать его в его международных отношениях, *C.I.J Recueil 1974*, págs. 266–269.

представленном Специальным докладчиком, речь идет о том, что односторонний акт может быть сформулирован лишь лицом, уполномоченным действовать от имени государства и обязывать его на международном уровне. Как в нем говорится, «Государство может принимать обязательства... лишь через своих представителей, как они определяются в международном праве, т.е. тех лиц, которые по своему статусу или в силу иных обстоятельств имеют соответствующие правомочия»⁶⁸.

90. В то же время определение лиц, правомочных выпускать односторонние акты от имени государства, зависит от обстоятельств, внутренней организации акта и характера этого акта.

91. Специальный докладчик предположил, что, помимо упомянутых выше лиц, есть другие лица, которые могли бы быть уполномочены формулировать односторонний акт от имени государства. Определение уполномоченных для этого лиц, как важно уточнить, зависит как от внутригосударственного права, прежде всего конституционного, так и от международного права. Следует напомнить, что Специальный докладчик при представлении своего второго доклада Комиссии указал, что «намерение государства, которое формулирует акт, и добросовестность, которыми следует руководствоваться в международных отношениях, заставляют предположить, что, помимо упомянутых, есть другие представители, которые могут также обязывать государство без необходимости наличия у них особых полномочий, что ясно отражается в международной практике»⁶⁹. Вместе с тем можно сделать вывод о том, что это возможно лишь при ограничительном критерии. Комиссия при обсуждении этой темы пришла к выводу о том, что, хотя и можно расширить круг лиц, которые могли бы действовать от имени государства, надо это делать ограничительным образом, о чем также говорили некоторые правительства, например правительство Аргентины, которое, отвечая на уже упомянутый подготовленный Комиссией вопросник, указало, что рассмотрение других лиц, иных, нежели те, которые традиционно исполняли эту функцию, следует осуществлять в ограничительной форме, учитывая нынешнюю международную реальность⁷⁰. Как утверждает одно из правительств в его ответе на вопросник 1999 года, в соответствии с установленной нормой международного права акты главы государства, главы правительства и министра иностранных дел могут быть присвоены государству. Вместе с тем оно добавляет, что не следует исключать возможности того, что другие министры или должностные лица могут выпускать односторонние акты от имени государства⁷¹.

92. Как следует из подготовительных материалов Венской конвенции о праве договоров, а также работы и обсуждений Комиссии по данному вопросу, практика государств, теория и судебные решения сходятся в том, что принятие обязательств является ограничительным полномочием, т.е. должны приниматься во внимание прямые полномочия правительственных представителей, хотя общая норма не позволяет ссылаться на внутренние нормы, чтобы утверждать недействительность того или иного договора⁷².

⁶⁸ A/CN.4/500/Add.1, пункт 79.

⁶⁹ A/CN.4/SR.2593, pág. 11.

⁷⁰ См. A/CN.4/511, стр. 12.

⁷¹ Ответ правительства Аргентины, A/CN.4/511, стр. 12.

⁷² В 1966 году Комиссия международного права указала, что «в том случае, когда нарушение

93. По-иному представляется этот вопрос в международном праве применительно к международной ответственности, когда, как это отражено в проекте статей, выработанном настоящей Комиссией и принятом к сведению Генеральной Ассамблеей в 2001 году, особенно в статьях 7–9, международная ответственность государств может возникать в силу поведения их представителей, хотя бы они и не были уполномочены на это, и даже в силу «поведения лица или группы лиц, если это лицо или группа лиц фактически действует по указаниям либо под руководством или контролем этого государства при осуществлении такого поведения», а также «поведения лица или группы лиц, если это лицо или группа лиц фактически осуществляет элементы государственной власти в отсутствие или при несостоятельности официальных властей и в условиях, требующих осуществления таких элементов власти»⁷³. Вместе с тем следует уточнить, что в таких ситуациях мы ведем речь об обязательствах, которые прямо выражены и ранее признаны государствами и всем международным правом⁷⁴. Нет сомнения в том, что необходимость гарантировать правовые отношения и взаимное доверие оправдывает это расширение, хотя оно трактуется ограничительно. В этом смысле представляет интерес ответ другого правительства на тот же вопросник, которое указало, что можно выдвинуть аргумент о том, что «в области односторонних актов все лица, которые могут рассматриваться как обладающие в силу их функций и прав полномочиями выступать с заявлениями, из которых могут исходить эти государства, могут рассматриваться как лица, обладающие правоспособностью брать обязательства от имени государства»⁷⁵.

94. Вторым условием действительности одностороннего акта является законность его объекта. Односторонний акт, противоречащий императивной норме международного права, является недействительным в абсолютной форме. Недействительность акта в силу его характера, противоречащего императивной норме или норме *jus cogens*, должна толковаться по-иному, нежели в ситуации, которая возникает, когда односторонний акт противоречит предыдущему акту, будь то договорному или одностороннему. В этой связи, как удачно формулирует один из авторов, «если... последующий акт противоречит предшествующим нормам, имеющим характер *jus cogens*, Суд обязан не применять их как абсолютно недействительные»⁷⁶. Фактически государство свободно реализовывать односторонние акты вне сферы международного права, однако упомянутые акты не могут противоречить нормам *jus cogens*. Это означает, что то или иное государство не может воспользоваться возможностью выхода за пределы международно-правового поля, чтобы нарушить императивные правовые нормы⁷⁷.

внутреннего права в отношении компетенции заключать договора было бы объективно очевидным любому государству, рассматривающему этот вопрос в обычном порядке и добросовестно, можно отказаться от согласия на договор, предположительно данное от имени государства». *Anuario...* 1966, vol. II, pág. 242, пункт (11) комментария к статье 43, документ A/6309/Rev.1 (выделено в подлиннике).

⁷³ Резолюция 56/83 Генеральной Ассамблеи, приложение.

⁷⁴ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 10* (A/56/10).

⁷⁵ См. ответ правительства Нидерландов A/CN.4/511, стр. 17.

⁷⁶ Averzijl, J.H.W. "La validité et la nulté des actes juridiques internationaux" en *Revue de droit international*, tomo XV, 1935, págs. 321 y 322.

⁷⁷ Barberis, Julio, "Los Actos jurídicos unilaterales como fuente de Derecho Internacional Público", en *Obra Homenaje a Díez de Velasco* (Madrid, 1993), pág. 112.

95. Вопрос о последствиях одностороннего акта, противоречащего предыдущему правовому акту, будь то договорному или одностороннему, и даже противоречащего какой-то норме общего международного права, должен рассматриваться в дальнейшем, когда будет рассматриваться эта тема. Вместе с тем хорошо известно, что односторонний акт не должен противоречить существующим на этот счет договорным нормам, как это утверждается в теории и в судебных решениях. Суд по делу “Groenlandia Oriental” рассматривает сделанную в 1931 году декларацию об оккупации этой территории норвежским правительством в качестве «незаконной и недействительной», поскольку нарушается существующее правовое положение⁷⁸.

96. Международный Суд высказывается в том же смысле по делу “Plataforma Continental” в споре между Тунисом и Ливийской Арабской Джамахирией, указывая в этой связи, что:

«В связи с этим Суд с самого начала отмечает, что попытка односторонним актом установить морские пограничные линии, независимо от правовой позиции других государств, противоречит признанным принципам международного права»⁷⁹.

97. Последнее условие действительности одностороннего акта связано с волеизъявлением, которое не должно иметь пороков, как это устанавливается в праве договоров, о чем конкретно говорил Специальный докладчик в своем третьем докладе.

98. Нет сомнений в том, что режим недействительности является одним из наиболее сложных аспектов изучения правового акта в целом. В интересующем нас контексте недействительность логически связана с международно-правовым актом, т.е. актом, предназначенным породить правовые последствия в соответствии с намерением автора на международном уровне. До Вены этот имеющий актуальное значение во внутренней сфере режим не исследовался глубоко в контексте международного права. Существовавшие ранее обычно-правовые нормы были изложены в Венской конвенции о праве договоров. Отмечается также сильное влияние внутригосударственного права при выработке норм о недействительности, изложенных в Венской конвенции.

99. При рассмотрении режима недействительности правового акта возникают различные ситуации, которые отражают его сложность. Абсолютная недействительность должна отличаться от относительной недействительности точно так же, как несуществование акта от недействительности, недействительные акты от актов, которые могут быть аннулированы, частичная недействительность и полная недействительность акта, о чем в том или ином виде упоминается в праве договоров, кодифицированном в Вене. Абсолютная недействительность исключает возможность подтверждения или ратификации акта и имеет место, когда акт противоречит той или иной императивной норме международного права или *jus cogens* или когда акт формулируется посредством давления на представителей государства, или когда аналогичное давление оказывается на государство-автора акта в форме, противоречащей международному праву. Относительная недействительность, напротив, позволяет подтверждать или ратифицировать акт. Речь идет о недействительности, когда, напри-

⁷⁸ *CPJ 1933*, serie A/B, No. 53, pág. 75.

⁷⁹ *C.I.J Recueil 1982*, párr. 87, pág. 52.

мер, государство-автор совершило ошибку или когда волеизъявление было сопряжено с нарушением какой-то основополагающей внутренней нормы, касающейся компетенции формулировать акт. Государство-автор по своей собственной воле или в силу связанного с актом поведения может подтверждать или аутентифицировать его.

100. Вопрос о недействительности акта возникает как в связи с договорными актами, так и в связи с односторонним актом и аналогичным образом касается как формальных, так и материальных аспектов. В первом случае следует принимать во внимание специфику каждого из этих актов. Хотя волеизъявление является тем же самым, односторонний характер акта второго рода отражается на любой предполагаемой концепции пороков и условий в целом, которые могут сказываться на его действительности. В равной мере может рассматриваться недействительным акт, если возникают пороки в отношении его формулирования, что главным образом связано с волеизъявлением; однако, вновь в силу противоречия предыдущей норме или императивной норме *jus cogens* односторонний акт может рассматриваться как недействительный. В первом контексте мы можем просто указать, что недействительность связана с правомочностью субъекта, формулирующего этот акт, и неправомочностью совершающего этот акт лица, с целью, ее законностью и с волеизъявлением или пороками в объявлении воли. Во втором контексте мы имеем дело с противоречием акта императивной норме международного права.

101. Следует отметить, что форма акта не сказывается на его действительности, как об этом говорил судья Анцелотти в своем особом мнении в 1933 году по делу “Groenlandia Oriental”⁸⁰, и этот критерий подтвержден Международным Судом при рассмотрении дел “Templo Préah Vihéar» и «Ensayos Nucleares”.

102. По делу “Templo Préah Vihéar” Суд высказался в аналогичных выражениях:

«В тех случаях... как это обычно обстоит в международном праве, делающем главный акцент на намерения сторон, право не предписывает никакой конкретной формы, стороны свободны выбирать любую форму по своему усмотрению при условии, что их намерение явно вытекает из нее»⁸¹.

103. По делу “Ensayos Nucleares” Суд указал, что:

«Что касается вопроса формы, то следует отметить, что это не является той сферой, в которой международное право предусматривает какие-то специальные или строгие требования. По сути нет никакой разницы, делается ли заявление устно или в письменном виде, поскольку такое заявление, сделанное в конкретных обстоятельствах, может создавать обязательства на международном уровне, что не требует, чтобы оно было сформулировано в письменном виде. Таким образом, этот вопрос формы не имеет решающего значения...»⁸².

⁸⁰ *CPJ* 1933, serie A/B, No. 53, pág. 91.

⁸¹ См. *C.I.J. Recueil* 1961, pág. 31.

⁸² *Essais nucléaires* (Australie c. France), *arrêt du 20 décembre 1974*, *C.I.J. Recueil* 1974, pág. 253, párr. 45.

104. В своем третьем докладе Специальный докладчик представил некоторые условия недействительности, которые были прокомментированы, как в Комиссии, так и представителями государств в Шестом комитете и которые следует вновь рассмотреть, чтобы вновь уточнить положение дел с обсуждением этой темы и содействовать продвижению в этом вопросе в текущем году. Некоторые представители в Шестом комитете упомянули о применении венских норм. В этой связи отмечалось, что недействительность односторонних актов не является сферой, в которой приемлемо применять *mutatis mutandis* нормы Венской конвенции о праве договоров; в то же время, по мнению других, представляется опасным строго применять венские нормы к односторонним актам ввиду разного характера тех актов, о которых идет речь⁸³.

105. Условия, касающиеся недействительности одностороннего акта рассматривались в проекте статьи 5, который был передан для более обстоятельного рассмотрения в Рабочую группу. Некоторые из них связаны с волеизъявлением, в то время как другие касаются их характера, противоречащего императивной норме или решению Совета Безопасности.

106. Что касается пороков волеизъявления, то этот вопрос не вызывает серьезных затруднений. В значительной мере к одностороннему волеизъявлению применяется норма, изложенная в Венской конвенции 1969 года.

107. Что касается недействительности одностороннего акта, противоречащего императивной норме международного права или *jus cogens*, то на пятьдесят второй сессии Комиссии международного права были высказаны некоторые мнения относительно важности этого вопроса и, среди прочего, было указано, что причина последующей недействительности носит характер *ab initio*.

108. Что касается недействительности одностороннего акта, противоречащего решению Совета Безопасности, то в Комиссии отмечалось, что в статье 25 Устава Организации Объединенных Наций уже предусматривается обязательство по выполнению решений Совета Безопасности. Кроме того, высказывалась мысль о том, что содержащаяся в статье 103 Устава норма могла бы применяться также и к односторонним актам, поскольку обязательства, принятые в силу Устава, преобладают над любым другим обязательством, вытекающим из договора или одностороннего акта⁸⁴.

109. С другой стороны, на нынешнем этапе заслуживает отдельного упоминания вопрос об утрате государством права ссылаться на причины недействительности или основание для прекращения акта в силу своего поведения, будь то имплицитного или прямо выраженного, который рассматривался ранее в теории и судебных решениях в контексте права договоров, что следует полагать в качестве исходной основы. По мнению некоторых, «после заключения договора поведение сторон неразрывно связано с ним. Благодаря возникающему в этой связи обязательству, появляется возможность преодолеть первые препятствия, мешающие выполнению договора... т.е. устранить присущие ему пороки...». По мнению того же автора, «нет или почти нет такого присущего соглашению порока, который не проявился бы в силу последующего поведения сторон. Право народов гласит, допускает, что договаривающиеся стороны сво-

⁸³ A/CN.4/513, пункты 271 и 272.

⁸⁴ Там же, пункт 277.

им последующим отношением изначально узаконивают ничтожный договор»⁸⁵. Этот вопрос рассматривался и в судебных решениях. Так, по делу “*Laudo Arbitral del Rey de España*” Международный Суд не признал за Никарагуа права оспаривать арбитражные решения, поскольку применялся договор, содержащий положение об арбитраже. Таким образом, Суд заявил, что «по мнению Суда, Никарагуа своими прямыми заявлениями и поведением признала действительность решения и более не вправе пересматривать это признание для оспаривания действительности этого решения»⁸⁶.

110. В сфере односторонних актов вопрос ставится в иной форме, и в этой связи необходимо различать акт в зависимости от его юридических последствий. Ситуация могла бы быть иной, если бы речь шла о протесте, признании, обещании или отказе. Возникают вопросы относительно возможности включения клаузулы, которая применялась бы в целом ко всем односторонним актам. В случае отказа, например, государство-автор может ссылаться на недействительность акта, если считается, что нет всех условий, чтобы декларация или сформулированный акт рассматривались как действительные. Применительно к обещанию можно было бы сделать аналогичное замечание. Односторонний акт, посредством которого государство берет обязательство вести себя определенным образом в будущем, может быть недействительным, если государство-автор ссылается на некоторую причину недействительности. Применительно к протесту может иметь место иной подход. Вряд ли государство-автор может ссылаться на недействительность акта, в то время как это представлялось бы более реальным применительно к государству, для которого этот акт предназначен.

111. Ввиду этого следовало бы рассмотреть вопрос о том, может ли государство-автор или тот, кто может ссылаться на недействительность акта, утрачивать право на это в силу своего поведения или имплицитно или прямо выраженной позиции. Государство, которое формулирует акт, содержащий обещание, и прямо действует или ведет себя определенным образом, означающим согласие с тем, что такой акт является действительным, не может ссылаться в будущем на недействительность заявления. Как и в сфере права договоров (статья 45 Венской конвенции 1969 года), можно было бы рассмотреть возможность выработки нормы, применимой к односторонним актам, хотя пришлось бы определить в том, может ли норма такого характера быть применимой ко всем односторонним актам.

112. С другой стороны, представляется также важным в контексте неприменения односторонних актов упомянуть другие два вопроса: прекращение и приостановление акта, аспекты, которые рассматриваются и решаются в связи с договорами в Венской конвенции о праве договоров, в частности в статьях 54–64. В контексте односторонних актов под влиянием уже самого их характера складывается гораздо более сложная ситуация. Следует задать вопрос о воз-

⁸⁵ Cot. Jean-Pierre “La conduite subséquente des Parties à un traité”, *RGDIP*, 1966, tomo 37, No. 3, pág. 658. Каже отметил также, что «...следует допустить возможность подтверждения государством договора... принцип, согласно которому сторона не может занимать правовую позицию, противоречащую ее предшествующему поведению, отчасти компенсирует отсутствие нормы в международном праве». Cahier, Phillippe, “Les caractéristiques de la nullité en droit international et tout particulièrement dans la Convention de Vienne de 1969 sur le Droit des traités”, *ibid.*, 1972, tomo 76, No. 3, pág. 677.

⁸⁶ *C.I.J. Recueil 1960*, pág. 213.

возможности переноса этого режима на двусторонние акты и, если это возможно, следует даже говорить о «конце» и «приостановлении» одностороннего акта. Еще раз возникает трудность переноса венских норм на режим, который мы пытаемся выработать. Кроме того, в этом контексте возникает вопрос о разнообразии актов в зависимости от их правовых последствий. Действительно, односторонний акт, который содержал бы обещание, следует рассматривать отдельно от одностороннего акта, посредством которого государство отказывается от определенной ситуации или признает ее. В третьей части доклада этот вопрос будет рассмотрен более обстоятельно.

113. Также в предварительном порядке следует упомянуть другой аспект, связанный с недействительностью, рассмотрение которого также основывается на венском режиме, а именно о внутригосударственном праве, касающемся компетенции формулировать односторонний акт, и о конкретном ограничении возможности волеизъявления. В соответствии с венской постановкой вопроса акт может быть недействительным, когда он формулируется в нарушение положения внутригосударственного права, касающегося компетенции на это, что может утверждаться лишь в том случае, если это нарушение является явным и затрагивает норму внутригосударственного права основополагающего значения.

114. Представляется несомненным, что если первый вопрос, как кажется, применим к односторонним актам, то второй вопрос вызывает затруднения. Действительно, конституции и в целом внутригосударственные правовые системы ограничиваются ссылкой на международные договоры и соглашения, но не на односторонние акты, которые не рассматриваются в аналогичном ключе в этом контексте. Этот вопрос также будет более обстоятельно рассмотрен в третьей части настоящего доклада.

115. И наконец, отмечается, что с формальной точки зрения были высказаны некоторые критические замечания в отношении представления условий недействительности в третьем докладе Специального докладчика в едином проекте статьи, в отличие от Венской конвенции, в которой положения излагаются отдельно по каждому из условий в статьях 46–53. Новое изложение условий в отдельных положениях обязывает внести изменения, которые уточняют каждое из этих положений. Новые проекты статей могут служить основой для обсуждения в Рабочей группе, которая должна быть создана в ходе нынешней сессии.

116. В новой редакции статей 5(a)–5(h) в квадратных скобках в качестве желательной альтернативы говорится о государстве [или государствах]-авторе[ах] одностороннего акта. Упомянутая альтернатива будет прямо отражать ссылку на недействительность в случае односторонних актов коллективного происхождения. При согласии с этой альтернативой, пожалуй, было бы также целесообразно в равной мере прямо выраженным образом отразить в содержащемся в статье 1 определении возможность коллективного одностороннего акта, упомянутого в вышеуказанном проекте статьи как недвусмысленное волеизъявление «одним или несколькими государствами». В ином случае можно было бы пояснить в комментариях, которые подготавливаются к статье 1, что речь идет об односторонних актах, которые могут иметь индивидуальное или коллективное происхождение, и что это в контексте статьи 5 может позволить одному из государств-авторов ссылаться на условия недействительности.

117. С другой стороны, в новой редакции уточняется возможность ссылаться на порок «волеизъявления» и абсолютную недействительность в случае проти-

воречия акта императивной норме права или *jus cogens* и в случае принуждения в отношении лица, которое совершает акт от имени государства.

118. И наконец, отмечается, что уточняется также, кто может ссылаться на недействительность одностороннего акта. В первом случае речь идет об относительной недействительности, а во втором случае о недействительности одностороннего акта, противоречащего императивной норме международного права или *jus cogens*, или одностороннем акте, сформулированным под противоречащим международному праву давлением в отношении государства. В первом случае понимается, что на недействительность акта могут ссылаться лишь государство или государства-авторы акта, в то время как во втором случае на недействительность может ссылаться любое государство.

119. Проект статей может быть следующим:

Статья 5(a)

Ошибка

Государство [или государства]-автор[ы] одностороннего акта может [могут] ссылаться на ошибку как порок волеизъявления, если [упомянутый] акт был сформулирован на основе ошибки, касающейся факта или ситуации, которые, по предположению этого государства, существовали в момент его формулирования, и такой факт или такая ситуация представляли собой существенную основу [волеизъявления] [согласия] в отношении обязательности для него данного акта. Вышесказанное не применяется, если государство-автор [или государства-авторы] своим поведением способствовало [способствовали] возникновению этой ошибки или обстоятельства были таковы, что это государство [государства] должно было [должны были] обратить внимание на возможность ошибки.

Статья 5(b)

Введение в заблуждение

Государство [государства]-автор [авторы] одностороннего акта может [могут] ссылаться на введение в заблуждение в качестве порока волеизъявления, если оно [они] сформулировало [сформулировали] такой акт под воздействием введшего в заблуждение поведения другого государства.

Статья 5(c)

Подкуп представителя государства

Государство [или государства]-автор [авторы] одностороннего акта может [могут] ссылаться на порок волеизъявления, если такой акт был сформулирован в результате прямого или косвенного подкупа совершающего его лица другим государством.

Статья 5(d)**Принуждение лица, совершающего акт**

Государство [или государства]-автор [авторы] одностороннего акта может [могут] ссылаться на абсолютную недействительность, если формулирование акта явилось результатом принуждения совершающего его лица в виде действий или угроз, направленных против него.

Статья 5(e)**Принуждение угрозой силой или ее применением**

Государство [или государства]-автор [авторы] одностороннего акта может [могут] ссылаться на абсолютную недействительность упомянутого акта, если формулирование акта явилось результатом угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций.

Статья 5(f)**Односторонний акт, противоречащий императивной норме международного права (*jus cogens*)**

Государство может ссылаться на абсолютную недействительность одностороннего акта, сформулированного одним или несколькими государствами, если упомянутый односторонний акт в момент его формулирования противоречит императивной норме международного права.

Статья 5(g)**Односторонний акт, противоречащий решению Совета Безопасности**

Государство может ссылаться на абсолютную недействительность одностороннего акта, сформулированного одним или несколькими государствами, если упомянутый односторонний акт в момент его формулирования противоречит решению Совета Безопасности.

Статья 5(h)**Односторонний акт, противоречащий основополагающей норме внутреннего права государства-автора**

Государство [или государства]-автор [авторы] одностороннего акта может [могут] ссылаться на его недействительность, если упомянутый акт противоречит основополагающей норме внутреннего права государства-автора этого акта.

С. Толкование односторонних актов

120. В четвертом докладе Специальный докладчик рассмотрел тему толкования односторонних актов, вопрос, который, хотя и не связан с формулированием акта, и в большей степени относится к их применению, может быть объектом общих норм, т.е. норм, которые могут быть применимы ко всем односторонним актам, независимо от их названия, содержания и их правовых последствий.

121. Некоторые члены при рассмотрении этой темы на пятьдесят третьей сессии Комиссии сочли, что изучать нормы толкования преждевременно и что их следует рассмотреть позднее, когда будет достигнут больший прогресс в работе над проектом. Тем не менее, по мнению Специального докладчика, их рассмотрение представляется полезным на данном этапе исследования темы в Комиссии, особенно если учесть, как об этом было предложено, что нормы толкования можно выработать независимо от содержания и правовых последствий одностороннего акта, о котором идет речь.

122. Ссылка на Вену является всегда предметом комментариев. Что касается толкования, то при всей важности венского режима из-за принципиальных различий между договорным актом и односторонним актом его положения должны соответствовать особому характеру односторонних актов, с чем согласны некоторые члены Комиссии. Это мнение не разделяется всеми членами, некоторые из которых считают положения Венской конвенции о праве договоров очень расплывчатыми для того, чтобы применять их к односторонним актам.

123. В этой связи мы должны отметить недавнее утверждение Международного Суда в отношении заявлений о признании его обязательной юрисдикции, которое, хотя и может не быть «строго односторонним по своему характеру», является односторонним заявлением с формальной точки зрения и в силу этого, как указывал сам Суд, носит характер заявления *sui generis*. Речь идет о рассмотрении Судом заявления о признании юрисдикции по делу “Causa relativa a la competencia en materia de pesquerías (Испания *против* Канады)”, в принятом в 1998 году предварительном решении по которому указывается, что:

«Заявление о признании обязательной юрисдикции Суда... представляет собой односторонний акт в порядке осуществления государственного суверенитета. В то же время оно устанавливает консенсуальную связь и открывает возможности юрисдикционной связи с другими государствами, которые сделали заявления по пункту 2 статьи 36 Статута, и представляет собой «постоянное предложение другим государствам — участникам Статута, которые еще не сделали заявления о согласии» (Frontera terrestres y marítimas entre Camerún y Nigeria, excepciones preliminares, *Recueil CIJ* 1998, pág. 291, párr. 25)»⁸⁷.

124. В целях толкования упомянутых заявлений Суд указал, что:

«Режим, который применяется к толкованию заявлений, делаемых по статье 36 Статута, не является идентичным тому, который установлен для толкования договоров Венской конвенцией о праве договоров... В своих представлениях Испания заявила, что «это не означает, что правовые нормы и искусство толкования заявлений (и оговорок) не совпадают с теми, которыми регулируется толкование договоров». Суд отмечает, что положения этой Конвенции могут применяться лишь по аналогии в той мере, в которой они совместимы с собственным характером одностороннего признания юрисдикции Суда»⁸⁸.

⁸⁷ *C.I.J. Recueil* 1998, pág. 453, párr. 46.

⁸⁸ *Ibid.*

125. В 2001 году в Шестом комитете некоторые представители высказались в поддержку критерия, которому следовал Специальный докладчик и который состоял в принятии норм толкования, которые содержатся в Венской конвенции о праве договоров 1969 года. Однако высказывались и сомнения в обоснованности этого по причине специфического характера односторонних актов. По мнению некоторых, исходной основой должны служить потребности толкования одностороннего акта после определения того, удовлетворяются ли указанные потребности посредством соответствующих норм Конвенции⁸⁹. В то же время заявлялось, что намерение государства-автора должно быть одним из главных критериев и поэтому больший акцент следует сделать на подготовительной работе, четко свидетельствующей о таком намерении⁹⁰. Кроме того, указывалось, что для толкования следует учитывать объект и цель одностороннего акта, который рассматривался Докладчиком как главным образом конвенционный.

126. Следует напомнить тот широко признанный факт, что общая норма толкования одностороннего акта должна базироваться на добросовестности и на соответствии обычному пониманию формулировок заявления в его контексте и в свете намерения автора.

127. По делу “Causa relativa a la competencia en materia de pesquerías” Международный Суд, проанализировав заявления о признании своей юрисдикции, ясно указал, что он истолковывал соответствующие слова заявления, в том числе содержащиеся в нем оговорки, естественным и разумным образом с должным учетом намерения заинтересованного государства, которое может вытекать не только из текста соответствующей клаузулы, но и из контекста, в котором следует читать указанную клаузулу, и из изучения представленных фактов, касающихся обстоятельств его подготовки и предусматриваемых целей⁹¹.

128. По самому своему характеру односторонний акт должен толковаться в иной форме, нежели акт договорный. С одной стороны, как указывалось в четвертом докладе Специального докладчика, «интересы правовой определенности требуют, чтобы основным критерием являлась воля, декларированная в тексте,.. кроме того,.. такие акты следует толковать ограничительно»⁹², как указывал сам Суд в упомянутом выше деле о ядерных испытаниях. Кроме того, некоторые правительства указали, что критерий, который должен использоваться при толковании односторонних актов, является критерием ограничительным⁹³. В целом в теории поддерживается этот критерий. Так, например, Гроциус говорит, что «мерилом правильного толкования является критерий намерения, явствующий из наиболее вероятных указаний на него»⁹⁴.

129. Цель толкования состоит в определении намерения государства, о котором можно сделать вывод из сформулированного заявления и других учитываемых элементов, таких, как подготовительные материалы и обстоятельства в момент формулирования акта. Термин «намерение» является ключевым. Воле-

⁸⁹ A/CN.4/521, пункт 114.

⁹⁰ Там же, пункт 115.

⁹¹ *C.I.J. Recueil 1998*, párrs. 47 y 49, pág. 454.

⁹² A/CN.4/519, пункт 126.

⁹³ Ранее упоминавшийся комментарий правительства Аргентины.

⁹⁴ Grotius, H. *De jure belli ac pacis, libro 2*, cap. 16. Cf: *Encyclopedia of Public International Law*, vol. II (Amsterdam, Elsevier, 1995), pág. 1418.

изъявление — необходимый элемент формирования акта, в то время как намерение связано со смыслом, который автор рассчитывает вложить в этот акт. Вместе с тем намерение не было бы достаточным для определения акта, поскольку оно должно быть известно тому или тем, кому этот акт предназначенся, или адресаты, по крайней мере, должны были бы иметь возможность знать о нем.

130. В пункте 2 статьи (а), предложенном в 2001 году, уточнялось, что контекст охватывает «кроме текста, его преамбулу и приложения». По этому вопросу надо разъяснить, что были определенные сомнения в отношении преамбулы, однако, по нашему мнению, правовому акту, будь то договорному или одностороннему, может предшествовать преамбульная часть, как это можно видеть на примере заявления Египта 1957 года и, в менее ясной форме, заявлений Франции, рассматривавшихся Судом по делам о ядерных взрывах, упоминавшихся в предыдущих докладах. Что касается приложений, то можно высказать то же самое мнение. Нет причин, по которым за односторонним актом не могут следовать приложения или эти приложения не могут, в дополнение к составляющей части, входить в состав одностороннего акта.

131. Фраза «обычным значением слов, используемых в заявлении в их контексте, а также в свете намерения государства-автора» имеет важное значение для установления общей нормы толкования этих актов. Рассмотрение контекста без его искажения служит дополнительным средством толкования.

132. Вопрос об обращении к подготовительным материалам, поставленный Специальным докладчиком в 2001 году в том проекте, который был представлен Комиссии, ставился под сомнение некоторыми членами, которые считали, что это не представляется возможным и что, кроме того, доступ к таким материалам затруднен, если принимать во внимание, что в рабочие материалы может входить внутренняя корреспонденция министерств иностранных дел или других ведомств государства. Поскольку рассмотрение вопроса о подготовительных материалах в аспекте, отличном от того аспекта, который принят в венском режиме, представляется важным в этом контексте, Специальный докладчик считает, что, учитывая замечания, высказанные на предыдущей сессии, Комиссия могла бы вновь рассмотреть этот вопрос, с тем чтобы определить, могут ли такие материалы ввиду трудностей с их получением или доступа к ним, зависящими к тому же от одностороннего решения соответствующего государства, быть учтены в проекте статей о дополнительных средствах толкования, как говорится об этом в соответствующей статье Венской конвенции 1969 года. По этим причинам в пересмотренном варианте проекта, представленного в четвертом докладе, ссылка на эти материалы поставлена в квадратные скобки.

133. Что касается «объекта и целей» акта, то Специальный докладчик продолжает считать, что оба термина имеют главным образом договорную окраску, а поэтому не должны упоминаться в нормах толкования односторонних актов. В этом случае, как предусматривается в проекте статьи, представленном в 2001 году, односторонний акт должен толковаться «в свете намерения государства или государств-авторов».

134. И наконец, хотя это и не отражается в проекте статьи о толковании, можно утверждать, что критерий, используемый при толковании этих актов, должен быть ограничительным, как об этом говорится в теории, как это утверждают правительства и как на это указывают судебные решения.

ют правительства и как на это указывают судебные решения. Применительно к судебным решениям мы отмечаем, что, хотя речь шла лишь об обещании, Международный Суд по делу о ядерных взрывах сделал вывод о том, что «когда государства делают заявления, ограничивающие их свободу будущих действий, требуется ограничительное толкование»⁹⁵.

135. Проект статьи, который могла бы изучить Комиссия на своей пятьдесят четвертой сессии, формулировался бы следующим образом:

О толковании

Статья (а)

Общее правило толкования

1. Односторонний акт должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением слов, используемых в заявлении в их контексте, а также в свете намерения государства-автора.
2. Для целей толкования одностороннего акта контекст охватывает, кроме текста, его преамбулу и приложения.
3. Наряду с контекстом должны учитываться любая последующая практика осуществления акта и любая соответствующая норма международного права, применимая в отношениях между государством-автором или государствами-авторами и государством-адресатом или государствами-адресатами.

Статья (b)

Дополнительные средства толкования

Возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в частности [к подготовительным материалам и] к обстоятельствам формулирования акта, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи (а), или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей (а):

- а) оставляет значение двусмысленным или неясным; или
- б) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.

D. Классификация односторонних актов и структура проекта статьи

136. Как в Комиссии, так и в Шестом комитете есть много сторонников мнения о невозможности применения общих норм ко всем односторонним актам, хотя, как это дал понять Специальный докладчик, такое применение представлялось бы возможным в отношении некоторых аспектов, таких, как, например, аспекты, связанные с формулированием акта, в частности в том, что касается его подготовки: определение, способность формулировать акты, уполномоченные лица, условия действительности, причины недействительности, которые связа-

⁹⁵ *Essais nucléaires (Australie c. France), arrêt du 20 décembre 1974, C.I.J. Recueil 1974, pag. 253, párr. 44.*

ны с волеизъявлением, являющимся общим элементом для всех актов, независимо от их содержания, и даже, как мы видели ранее, хотя и в рамках своего применения, нормы, касающиеся толкования этих актов.

137. По мнению Специального докладчика, классификация этих актов выходит за рамки простого теоретизирования и представляется имеющей принципиальное значение для структуры проекта статей, поскольку группирование на основе их последствий или любого другого критерия упростило бы эту структуру. Эта необходимость требует, как уже говорилось, установления обоснованного критерия, что по-прежнему представляется делом сложным, как можно видеть в четвертом докладе, в котором обстоятельно исследуется этот вопрос в свете рассмотрения важных теоретических взглядов с выводом о том, что эти акты могут быть сгруппированы в двух широких категориях, на основе которых можно построить проект статей, который должен регулировать их действие. Без этого, учитывая разнообразие правовых последствий различных односторонних актов, было бы невозможным структурировать проект без риска исключения некоторых актов. Как помнится, Специальный докладчик указывал, что односторонние акты могут быть сгруппированы в две широкие категории: акты, которыми государство берет на себя обязательства, и односторонние акты, посредством которых государство подтверждает свои права. Существует достаточно широкое согласие в отношении того, что посредством этих актов нельзя налагать обязательства на третьи государства, которые не принимали участия в его подготовке, без их согласия. Тем не менее, некоторые, и мы не можем игнорировать это, выразили мнение о том, что эта последняя возможность имеет основание для существования. Согласно этому мнению, государство действительно может формулировать акт, чтобы создавать права, а следовательно налагать обязательства на третьи государства, что уже рассматривалось в настоящем докладе и в предыдущих докладах.

138. Нет сомнений в отсутствии единодушного мнения в пользу этой работы и еще более полном отсутствии единодушия в отношении критерия, который можно было бы установить для группирования этих актов, строя на этой основе проект статей, который предусматривает создать Комиссия. Некоторые члены Комиссии указали, что классификация является задачей непростой и еще в меньшей степени определенной и даже будет носить излишне теоретический характер, в то время как рассмотрение темы заслуживает более прагматического подхода. Кроме того, один из членов высказал мнение о том, что классификация, помимо того, что она не имеет важного значения, вносит ненужную путаницу. Указывалось, и это представляется безусловным, что в судебных решениях придается очень большое значение определению того, является ли акт обязывающим по своему характеру, а не того, к какому виду принадлежит акт, о котором идет речь.

139. Некоторые члены в ходе обсуждений в 2001 году указали на наличие актов, которые могут принадлежать к обеим категориям, таких, к примеру, как заявления о нейтралитете, в соответствии с которыми государство не только берет на себя обязательства, но и подтверждает свои права, или объявление войны. Нет сомнений в том, что некоторые акты квалифицируются туманно и их трудно отнести к какому-то одному классу. В связи с этим утверждением следует задаться вопросом о том, могут ли являться заявления о нейтралитете самостоятельными односторонними актами или же они скорее составляют от-

каз и обещание, иными словами, являются ли их правовые последствия аналогичными отказу и обещанию.

140. Действительно, когда государство формулирует заявление, посредством которого отказывается от того или иного права, оно может одновременно признавать правовую претензию другого государства и обещать вести себя определенным образом в будущем. Заявление о нейтралитете, которое следует причислить не к актам простого характера, а к актам смешанного характера, которые фактически, как мы отмечали ранее, могут использоваться для взятия обязательств при одновременном утверждении прав, ясно свидетельствует о тех трудностях, которые вызывают классификация и квалификация одностороннего акта.

141. В Шестом комитете также выражались различные мнения в отношении классификации односторонних актов. Некоторые считают, что классификация не нужна или полезна лишь с теоретической точки зрения, в то время как другие полагают, что она явилась бы важным шагом в процессе выработки норм по данной теме. Кроме того, высказывалась мысль о выработке в предварительном порядке классификации, основанной на критерии правовых последствий.

142. Рассмотрение темы требует решения этого вопроса, поскольку, как отмечает Специальный докладчик, представляется, что в Комиссии и в Шестом комитете существует в целом согласие относительно невозможности выработать нормы, общие для всех актов, а поэтому ввиду разнообразия актов и их правовых последствий следовало бы сгруппировать нормы, применимые к разным актам или разным их категориям.

143. Не представляется возможным прибегнуть к крайней и излишне расширительной концепции, предусматривающей возможность выработки группы норм для каждого из материальных актов, о которых наиболее часто упоминается в теории, и это объясняется разными причинами: во-первых, как отмечалось, разнообразием этих актов и их неопределенностью; во-вторых, невозможностью легко квалифицировать их, что некоторым образом связано с их правовыми последствиями.

144. Комиссия сочла, и это можно видеть из вопросника, подготовленного в 1999 году, что наиболее важными односторонними актами являются обещания, признание, отказ и протест. Об этом, к примеру, свидетельствует ответ правительства Аргентины, в котором указывается, что «необходимо провести ясное различие между четырьмя традиционными видами односторонних актов: обещанием, отказом, признанием и протестом»⁹⁶. Этот вывод полезен, но пока еще не разрешает проблемы разнообразия и незатруднительного определения одностороннего акта. Отсутствуют единые критерии их определения, единое понимание в отношении всех их аспектов и, как представляется, в отношении существования определенного числа актов. Принятие такой идеи подразумевало бы рассмотрение излишне разветвленной структуры, не поддающейся даже окончательному установлению из-за неопределенности, которая, как представляется, существует в отношении актов, рассмотренных в их материальной форме.

⁹⁶ A/CN.4/511, стр. 22.

145. Нет сомнений, что классификация имеет важное значение, хотя эта задача сложна и не лишена трудностей. Специальный докладчик надеется, что Комиссия продолжит рассмотрение этой темы и примет решение на своей сессии в нынешнем году.

146. Поскольку обсуждение вопроса о классификации следует продолжить, представляется возможным сделать это на основе вывода, к которому можно было бы прийти по разным причинам, в том числе практического характера: некоторые нормы, включая нормы, касающиеся формулирования акта и его толкования, могут считаться общими для всех актов.

147. Акт является односторонним волеизъявлением, что представляется крайне важным, хотя пока еще нет решения относительно окончательного определения этих актов. Помимо того, что волеизъявление является общим для всех этих актов, оно носит единый характер. Все интересующие нас односторонние акты являются результатом волеизъявления, и эта характеристика позволяет им быть объектом общих норм. Исходя из этого были представлены проекты статей об определении, правоспособности государства, лицах, правомочных совершать эти акты, последующем подтверждении акта, пороках согласия и даже об общем режиме условий действительности и причинах недействительности акта.
